

Автор - Ревский Дмитрий, Москва (Россия).

Смешав мороз и серебро

Ночь то ли кошка, то ли львица – поди-ка, отгадай во тьме!
Прядёт луна, мелькают спицы у колеса, что мчит к зиме.
А там бело, морозно, свежо, потом – промозгло, сыро, зло,
и солнце – режет, солнце брезжит, садится, вывернув крыло.
Брюзжа, часы идут по дому и расставляют часовых,
смешав тревожную истому с порой летающей совы.
В порыве разорвав неделю на небылые лоскуты,
эмоции пространство делят, забыв, что существуешь ты.
А ты – безгласый очевидец, невротик притяженья стен,
чей разум – свиток, чувства – свитер,
а действенность – то плен, то тлен.
И тлеешь в уголке камина, среди каменных домов и стен,
пока умильно серафимы листают книгу перемен,
пока крадут рассвет сороки, пока шершава простыня,
и жизнь свои сыпает крохи в ладонь пространства для меня,
и сроки падают клоками, и радость – лишь карманный рубль,

и время – нить в тяжёлой ткани, и ночь в ломбарде не берут,
и голод город опустелый сжимает в шарик от звонка,
и рук не ощущает тело, и тело не найдёт рука,
и мы с тобой
всего лишь лица
в толпе, спешащей на метро,
и время медленно струится, смешав мороз и серебро.

Допустим ночь

Вот допустим, ночь, и ты в неё спрятан
монетой, или тенью, или пьющим чай психом.
На тебя смотрит луна, ты смотришь на её пятна,
остальное, кроме клавиш, лирично и тихо.

Впрочем, клавиши тоже лиричны, такая тема.
И опять же, ночь добавляет романтики внешней.
Но как-то слишком тесно сгрудились стены.
и хочешь писать про нежность, а пишешь «кромешно».

Вот эта неувязочка вполне себе краеугольна.
Всё как-то немного мутно, совсем не просто.
Остальные ложатся, своей довольны судьбою,
их пальцы находят сон, как плывущий – остров.

А ты не плывёшь, тут док, или бухта, или
атолла кольцо, но погода отнюдь не райская.
Днищу уже спокойно, его починили.
А вот муму напрягает – от местных герасимов.

«Выбирайся из гавани», – пишешь ты. И кладёшь в бутылку.
И бросаешь стекло луны в подлунные волны.
И оно доплывёт куда-то методом тыка.
А она – далеко – прочитает. Или вот – вспомнит.

И ты зачеркнёшь "кромешно", напишешь "картинно",
и рассмотришь пейзаж с удвоенным интересом.
И сердце озирается, как воссозданный Буратино –
что вот было поленом, а теперь невзначай воскресло.

На кресле мобильник, и в нём – дорогое имя.
И ты улыбнёшься бессоннице, ей тоже не спится.
Мы никогда не теряемся между другими.
Просто есть промежутки между морем и пирсом.

А она позвонит и спросит – как дела у драконов?

Ты ответишь: летают!... Будешь слушать дыхание в трубке...
А луна припрыгает воробьём и посреди балкона
будет такой взъерошенной и такой хрупкой.

Памяти всех покинувших нас

Понимание боли так просто, что лучше б сложней.
Словно выбитый стул – вся твоя философия шатка.
Выпадает в душе пузырящийся хлопьями снег.
Входит день – словно мальчик на горку, без санок и шапки,

А куда и зачем – ни тропы, ни ответа, ни дня
переждать и осмыслить, и лишь холодней и темнее.
Застывают слова тех, кто рано покинул меня
белой памятью инея в чёрных следах и аллеях.

Осень так обнимает, как будто снимает запрет
в паутину смотреть уходящих по времени рельсов...
Мы, конечно, продлимся. Конечно, на множество лет.
Будет именно так, если только не выпадет если.

Осень смотрит с вопросом, но трудно прочесть по глазам.
Пожимаешь плечами – обиделась... Бросила руку.
Небеса отворили набухший дождями Сезам,
нас накрыло волной, и минуты – по кругу, по кругу...

Ветер – конь, моя девочка, слишком сноровистый конь.
Не тебе останавливать, впрочем, с тебя и не спросят.
Запасайся на зиму теплом – птицам нужен прокорм,
чтобы дальше лететь, как над морем, в холодную осень.

Этот город по мерке и нужным лекалам пошит
Бормотание мыслей растёт и становится речью.
Понимание боли так просто, что хочется жить.
Эта мысль будет позже, но ты с ней обнимешься крепче.

Конкурсная подборка 206. «Дни и ночи»

Автор: Оргкомитет
09.04.2021 16:00

